

Каждый раз, когда закончишь пьесу, остается чувство беспокойства и неудовлетворенности. Одна из причин этого: не все сумел сказать. Многие остались «за бортом». И, как кажется всегда, крайне существенное. Мысли продолжают крутиться, мчаться, но уже в направлении неопределенном — им нет места в законченной работе. А поделиться хочется.

Вот, например, что меня занимает в последнее время: бывает, встречаешься порой с людьми — и кажется, что охвачены они какой-то горячкой, будто заблудились в лесу и мечутся, не находя выхода. А если еще точнее: мечутся в зарослях и даже не ищут дорогу, а само вот это метание по чащобе и принимают за путь. Да

жу, и особенно охотно сам начинает унижать тех, кто безысходно безответен перед ним. Чем больше вокруг людей без чести, тем тяжелее жить людям.

И ЕЩЕ ЕСТЬ понятия: доброта и сострадание. Когда-то обыкновенные русские бабы, провожая бредущих по Владимирке этапом закованных в кандалы каторжников, утирали уголком платка слезы и приговаривали вслед: «Убивец ты несчастный». И совали в руку ломоть хлеба. Я оборачиваю медаль именно этой стороной. Ту, на которой нарисован каторжник, я оставляю в стороне, не о ней сейчас речь. Он уже бредет в Сибирь, возмездие наступило. И, понимая это, плачет простая русская баба, плачет о погибшем человеке.

наши нравственные ценности

Виктор РОЗОВ

ОРИЕНТИРЫ

как же найти им этот путь, если потеряно главное — ориентиры? Ориентиры человеческого поведения...

Помню, во время финской войны — я тогда был совсем молодым и представления о батальных имел чисто кинематографические — в метро на станции «Охотный ряд» (теперь она называется «Проспект Маркса») увидел трех солдат в шинелях. Двое на костылях — одна нога здоровая, другая — культячка; у третьего нет руки по плечо, болтается пустой рукав. Сколько я потом видел подобного, но эта первая моя встреча с реальной войной была столь потрясающая, что мне показалось, будто в шумном метро воцарилась абсолютная тишина. Видение трех калек преследовало меня до тех пор, пока я сам не попал на фронт и не увидел куда более впечатляющее.

Война тяжела. Но и в жизни не всегда бывает легко.

Физического калеку каждому видно. А если у человека внутри него, в его человеческой сущности, перебиты кости, выколот глаз, потерян слух?.. Никто вроде бы этого и не замечает. Идет такой человек твердой походкой, идет деятельно и целеустремленно. Какой здоровяк! А загляни внутрь — ахнешь! И никто не пожалеет его. Кто же его так покалечил? А может, сам себя, продираясь сквозь кустарник, прыгая через овраги, с кочки на кочку, рысцой, вприпрыжку, по-пластунски в погоне за «своим» счастьем и благополучием?

КОГДА человек бывает счастлив? У Джона Локка в книге «Мысли о воспитании», книге, которую я очень люблю перечитывать, сказано: «Здоровый дух в здоровом теле — вот в двух словах полное описание счастья, доступного в этом мире». Я оставлю в стороне здоровое тело, так как в этой статье хочу говорить о другом, хотя, будучи сам человеком нездоровым, помню ощущение физического счастья, когда ты можешь нырять с вышки в воду, с наслаждением колотить дрова, вскапывать землю, опростомельно догонять автобус, работать и веселиться, не зная усталости. Для физического счастья у нас есть и стадионы, и бассейны, и спортивные залы, и уроки физкультуры, и гимнастика по радио, и клиники, и поликлиники, больницы, курорты... А вот со здоровьем духа дело обстоит не всегда благополучно.

Здоровый дух — это прежде всего целостность и красота внутреннего мира. Истинное счастье не лежит вне человека; оно в нем самом. Сколько мы видим примеров этой погони за счастьем, лежащим вне! Ну, допустим, Анна Ивановна мечтает купить себе ковер. Жизни ей нет без этого ковра. Копит деньги, записывается в очередь, тащит домой. Сколько мысли, пота, нервов! Купила, повесила на стену, посидела, полюбовалась. А через три дня — новая идея. Впереди брезжит свет иного счастья: цветной телевизор. Опять мысли, опять погоня. Потом за чем-нибудь другим. Вроде бы ухватила счастье, но отчего же сразу и пусто? Или вот бьется молодой человек над кандидатской диссертацией. Трудно она ему дается. И все же добился, все проголосовали «за». А глядишь, через некоторое время снова он мечется с воспаленными глазами. Опять в поисках счастья.

Не спорю, все хорошо — и ковер, и телевизор, и диссертация. Но мне кажется, человек не понимает, что это ценности вторичные, а не первичные. Вот я и подхожу к размышлению, которое меня мучит после того, как я закончил последнюю пьесу.

Если внутренний мир человека уродлив, негармоничен, то ни ковер, ни диссертация,

ни новая квартира не дадут ему желанного покоя и счастья. И, напротив, когда человек вышел из дома и увидел, что сегодня на тополе лопнули почки и высушилась первая, фиштаксовая зелень, — у человека этого что-то запело внутри. Он тоже, может быть, покупает такой же ковер, вешает на стену, но покупает между делом — и ему очень хорошо в своем уютном углу.

ВОПРОС о ценностях первичных и вторичных — емкий, я вряд ли смогу его охватить полно. Думается, первичные ценности — это все, из чего, так сказать, и состоит красота и целостность личности, его индивидуальное «я» в общечеловеческом обличье. И прежде всего чувство собственного достоинства. Если человек с течением жизни теряет это достоинство, жить ему плохо. Защитить, сохранить свое собственное достоинство, которое дано природой каждому и не зависит от чина, звания, метража жилплощади, наличия автомашины и садово-огородного участка, — неперемнная жизненная обязанность человека. Достоинство это надо защищать, может быть, с большей энергией и неистовством, чем саму жизнь. Один из героев Островского, персонаж далеко не положительный, скорее всего это заблудшая овца, говорит: «Одного только боюсь, потеряешь уважение к себе, потеряешь самолюбие. А без самолюбия легко сделаться грязным трактирным героем или шутом у богатых людей. Нет уж, лучше пулю в лоб».

Береги честь смолоду. Честь — это один

Льет слезы сострадания о его гибели.

Я нарочно выбрал почти парадоксальное явление. Для противопоставления приведу пример помянутого. Человек проштрафился на работе, ему вынесли выговор и лишили прогрессивки. На собрании всегда найдутся люди, которые будут с вдохновенным гневом топтать виновного, добивать его. Какое уж тут сострадание!

Другая ценность. Начну издали: молодая женщина готовится к защите диссертации, занята. Муж ей робко лепечет:

— Ирочка, хорошо бы нам завести ребенка, мальчика.

— Какой тебе ребенок, ты с ума сошел, у меня же диссертация.

Сначала кандидатская, потом докторская, потом погоня за званием, а потом... и рожать поздно. Первичная ценность, ребенок, заменена вторичной. Так и чудится мне, что эта ученая дама, знающая, принципиальная до жестокости, будет недоброй. Диссертация — хорошо, но если все женщины будут только заниматься этим делом, на земле останутся одни диссертации, которые некому будет читать.

Чувство материнства и отцовства — первичные ценности. Человек, потерявший их в суете жизни, — обедненный человек. И это естественно, когда женщина, не могущая иметь детей, чувствует себя глубоко несчастной. Да, у нее настоящее горе. Разумеется, и у детей чувство любви к родителям, уважение к ним — первичная ценность. Дети хамы — страшные существа, бессердечные.

из краугольных камней человеческого достоинства. Недаром раньше за оскорбление чести вызывали на дуэль и предпочитали смерть, чем жизнь без чести.

Я много выступаю против грубости, черствости, бесцерковности не только потому, что органически не выношу, когда один человек унижает другого, кто бы он ни был, но я рассуждаю так: чем чаще человек подвергается безответным оскорблениям, окрикам, всевозможным насилиям, тем возможнее его падение. А человек без человеческого достоинства мало того что сам несчастен — он опасен и для общества, для других, так как по виду он вроде бы и человек, а внутри — или червяк, или чудовище. Такой человек способен на обман из-за страха, а потом из-за выгоды — и на подлую лесть, и на тихую кра-

Помните, я привел цитату из пьесы Островского? Там сказано: «Потеряешь уважение к себе». Мы много пишем о том, что человек должен отдавать себя другим, что не надо быть эгоистом. Это все бесспорно. Но надо и не терять себя, не терять уважения к самому себе. Более того, надо любить себя, жить так, чтобы тебе с самим собой всегда было интересно.

Некоторые критики упрекают меня за пьесу «Ситуация», в частности, за то, что герой мой не борется за себя и против лихих. Я уж не говорю, что ситуация, выбранная мною для пьесы, не позволяет моему герою делать это по этическим причинам; но главное — он чувствует, что в борьбе за эту частную справедливость может потерять себя. Вот почему, когда его упрекают, что, мол, он «жизнь за общее»

дело не отдаст», он, герой, отвечает: «Жизнь я за многое отдать могу, но душу — никогда, ни за что и ни при каких обстоятельствах. Без души я не человек. А мне человеком быть хочется».

Не стесняюсь признаться, что это и моя точка зрения. Если ты в борьбе даже за что-то хорошее начинаешь терять себя, стervenеть, ожесточаться, становишься злым и грубым, а то и начинаешь в ответ на подлость отвечать подлостью, — скорей брось борьбу, ничего хорошего не выйдет. Мне скажут: а как же война? Что ж, война — особое, неестественное состояние человеческого общества. В это время все по-иному. Хотя даже война имела свои человеческие нормы. Вот почему весь мир был потрясен Майданеком, Дахау, Освенци-

У меня дома много лет стоит старинной резной работы шкаф. Человек, сделавший его, давно уже умер, но все эти годы он как бы незримо присутствует рядом.

А вот когда в магазине я купил простую табуретку, а у нее ножки сразу же вывалились из гнезда, — я в душе клял того, кто ее делал. Я представляю себе этого горе-мастера, который говорит: «А, ладно, сойдет и так; все равно купят».

У первого мастера есть совесть — потому что он гордый человек, у второго — нет, ему все равно, что о нем думают.

Для халтурщика и хапуги труд — не первичная ценность, а вторичная. Вернее — это источник добычи вторичной ценности — денег.

Вот я и подошел к разговору о деньгах.

ПОВЕДЕНИЯ

мом, истреблением целых национальностей...

К первичным ценностям я отношу и чувство стыда. Это тоже чувство, охраняющее личность от разрушения. Потерявшие его плывут по жизни «без руля и без ветрил» — и это тоже опасно для окружающих. «Он без стыда и совести», — говорится о таком человеке. Неверное понимание свободы поведения нередко трактуется, особенно молодыми людьми, как свобода и от стыда. И дело здесь не столько в морали — мораль часто бывает ханжеской, узкой и мешанской. — дело в сохранении самого себя. Кстати, даже биологически человек призван охранять в себе это чувство. Когда ему стыдно, он краснеет. Но, говорят, можно так изломать себя, что уже и не покраснееешь при любом своем неблагоприятном поступке: «Врет и не краснеет»...

Я не назвал, конечно, всех первичных ценностей человека. Но мне хотелось только натолкнуть читателя на размышления по этому поводу. Главная первичная ценность — ты сам, твой духовный облик. За него ты ответствен персонально и с этой целостностью можешь вступать в бой за счастье всего человечества, вступать с большим шансом на истинную победу.

ТЕПЕРЬ немного о труде. Человек отличается от животного тем, что может не только рефлекторно вить гнездо, но и созидать и даже творить. Счастлив тот, кто любит трудиться. Безразлично, что он делает — табуретку, болт, мост, книгу или переплет книги. Творить — потребность человека. Бездельник — мученик, человек несчастный, хотя сам в силу слабого своего духовного и умственного развития может и не ощущать этого. Пустое времяпрепровождение разлагает личность, утомляет человека; от этого он быстро требует допинга, и в первую очередь проклятой водки. Человек не только духовно устремлен к созиданию, но и биологически устроен так, что ему делается плохо, если какая-то группа клеток не работает. Мне иногда кажется, что научно-техническая революция, высвободившая нас от многих видов элементарного физического труда, далеко опередила биологическое видоизменение человека. От этого человек страдает, переходит к искусственной гимнастике, к бегу трусой. Например, люди не очень то хорошо лазают по деревьям — а по Дарвину, когда-то их предки на этих деревьях обитали. Но необходимость лазания по стволам и веткам отпала и биологически, хотя мальчишки и любят лазать по деревьям (может, еще одно из доказательств, что человек произошел от обезьяны).

Кстати, не так давно я видел по телевидению документальный фильм из жизни какой-то слабо развитой латиноамериканской страны. Помню кадры: девочка и мать несут на палке ведро с водой. Диктор говорит примерно следующее: «Посмотрите, как тяжело живет этим людям, они вынуждены носить воду в ведре. Это обязана делать даже маленькая девочка». Я вспоминаю, как в таком же возрасте мы с братом на такой же палке носили ведро с водой — когда жили в городе Ветлуге. Никакого ужаса этого «каторжного» труда не было. Чаще всего, напротив, смеялись и озорничали, желая передвинуть ведро с центра палки в сторону «противника».

Бесспорно, само желание созидать — это первичная ценность. Но ведь труд бывает не только созиданием. Например, возьмите, столяра, который делает шкаф. Бывало, на селе все знают: Иван так делает шкаф, что просто заглядешься. И Иван гордится своим трудом, он вкладывает в дело лучшие качества рабочего человека, часть самого себя.

Как только иной человек не разбазаривает свои первичные ценности в погоне за ними! Тут, по моему, и примеров приводить не надо. Однако на всякий случай приведу. Одно знакомое дружное семейство выиграло по займу 5 тысяч рублей. Облигация была общая, купленная «на счастье», почти ради шутки. При дележке денег члены семьи перессорились — бурно, гадко и навеки. Вот тебе и билет «на счастье»!.. В старину бы сказали: проделки дьявола.

В торговой сети, увы, встречается хищничество, мелкое и крупное. Сначала я думал так: велика ли, в самом деле, заработная плата продавца. У многих еще — не очень. Как к ней не организовать «прибавку»? Быть у воды и не замочиться... Жить-то надо! Но потом подумал и другое. Положи иным продавцам хоть по 500 рублей в месяц, те, кто нечист на руку, все равно будут подворовывать: «А почему бы к 500 рублям не прибавить еще сотню? Разве плохо?» Люди эти уже испорчены, у них нет совести. А совесть — одна из важнейших первичных ценностей и незаменима никакими вторичными.

Помню, в детстве мама послала меня купить мороженое. Его раньше разносили на лотках разносчики. С двухривным я помчался на улицу. Прибежал обратно, подал матери покупки и зажатую в кулаке сдачу. Мама взглянула на деньги и сказала: «Витька, она тебе сдала лишние пять копеек. Скорее догони, отдай обратно». Я вновь опрометью выскочил на улицу, догнал уже ушедшую от нашего дома продавщицу и вернул пятачок.

Так без всяких слов нас учили элементарной порядочности. Учили навеки. Я отдал пятачок, оставив при себе совесть.

СТРОЯТСЯ высотные дома, прокладываются новые линии метрополитена, взлетают ракеты. Все это замечательно. Но это ценности вторичные. Они хороши — и красивые платья, и вкусный ужин в ресторане, и изящная мебель, и личные автомобили, и курорт в Крыму или на Кавказе — все это блага бытия, но когда за них отдается душа, хотя бы одна из первичных ценностей человека, — это все равно что променять луч света на пол-литра водки. Солнечный луч дает тебе жизнь, водка создает минутную иллюзию, а жизнь разрушает.

...Гомер был слепой. Байрон — хромым. Сервантес рано потерял левую руку, и когда написал «Дон Кихота», сказал шутя: «...Я потерял левую руку для вящей славы правой». Глухой Бетховен сочинил Девятую симфонию. Чехов писал, будучи больным чахоткой. Маресьев летал без ног. Мой знакомый писатель без двух рук, потерянных на войне, управляет автомобилем, имеет водительские права. Да мало ли людей, которые поднимаются над своей физической немощью и показывают красоту человеческого духа, истинную, главную красоту человека.

Все, о чем я сейчас коротко написал, — не ново и выглядит, может быть, даже старомодно. Но нет ничего печальнее, чем пренебрежение к истинам, давно открытым человечеством. Только легкомысленные или глупые люди, увлеченные вторичными радостями, могут выбросить их на свалку. Тогда пусть они не сетуют на то, что на душе у них что-то нехорошо, отчего — и сами понять не могут. А я знаю — отчего. Они похожи на ту бабу, которая тащит, перебросив через плечо две сетки — с апельсинами и бананами, — и клянет все на свете. Она потеряла великие первичные ценности и несет вторичные.

А счастья нет.

Рисунок А. Соколова.